

3.3.2. Твардовский и Солженицын

Таким же праздником души для антисталинистов, как вынос тела Сталина из ленинского мавзолея, стала и публикация повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

В редакции журнала «Новый мир» она появилась в конце 1961 г., и главный его редактор А.Т. Твардовский, как уже отмечалось, сразу решил сделать все, чтобы она вышла в свет. А дабы облегчить себе достижение этой цели, предложил изменить название.

В конце июня 1962 г. Твардовский побывал на декаде русской культуры в Тбилиси. Главное впечатление, которое он вынес от общения с грузинскими поэтами – «дымка некоторой грусти, невысказанности, притаенности чего-то, о чем не было слов и нет стихов». И так объяснял это для себя: «Сталинские времена были огромной компенсацией для национального самолюбия грузинских патриотов (или националистов?) за целые века исторической печали о минувшем давным-давно величии. Это при всем том, что он им давал духу наравне со всеми, если не больше, и что он как бы уже и грузином не хотел считаться. Сразу после смерти Сталина – настроения внезапной потери некоего первенства среди народов, а дальше и чувство вины, и опасений, и затаенной боли. И молчанка. Никто, как мне кажется, даже не попытался затронуть эту тему, а ее же не пройдешь». Об этом он сказал Карло Каладзе. «Они считают, что на эту тему для них наложено табу... Куда уж там до этой темы, когда они боятся сказать, что мяса нет в магазинах, чтобы не быть обвиненными в национализме. А между тем, с этой темой они могли бы выйти за пределы своей декоративности, и она могла бы прозвучать со страшной силой для всех». Ее, тему Сталина, Твардовский считал «мерой возможности» нынешней поэзии и литературы вообще. И тот, кто с ней справится, по его убеждению, «будет великим поэтом»{1711}. Среди грузинских коллег таковых он не видел. Но себя и Солженицына, несомненно, полагал уже одолевшими столь высокую планку. Дело оставалось за «малым»: чтобы это стало известно миру.

И в тот же день, 3 июля 1962 г. Твардовский идет с «Солженицынской вещью» к помощнику Хрущева по делам культуры В.С. Лебедеву. От него во многом зависела ее судьба – выбор момента для передачи рукописи шефу с положительной и убеждающей рекомендацией. Полезно было также заручиться содействием заместителя заведующего отделом культуры ЦК КПСС И.С. Черноуцана. Поэтому на встречу с ними он шел максимально подготовленным – после многочисленных телефонных переговоров, вооруженный поддержкой ряда видных писателей: К.И. Чуковского, С.Я. Маршака, К.Г. Паустовского, К.М. Симонова, которые (в отличие от К.А. Федина и И.Г. Эренбурга) согласились дать письменные отзывы об этом произведении. «Дай бог, дай Бог», – записал он в свою тетрадь, отправляясь на Старую площадь{1712}.

Уже 11 июля Лебедев позвонил Твардовскому и высказал свою глубокую

обеспокоенность:

– Талант баснословный!.. Но что получается: «советская власть без коммунистов»?{1713}

В суете и напряжении этих дней Твардовскому удалось прочитать две книжки, вышедшие в Издательстве иностранной литературы для узкого круга лиц из партийно-государственного руководства, – «Россия 40 лет спустя» Ф. Крепса и «Джордж Оруэлл – беглец из лагеря победителей» Р. Риса. Круг высказанных в них мыслей, идей, соображений отнюдь не показался ему новым: «Мы этих тем касаемся каждодневно. Все дело в том, что в печати нашей отголоски этих идей даются только в выхолощенном, негативном виде»{1714}.

Месяц спустя он снова возвращается к соображениям о причинах и поводе глубокого «мирового разочарования» в идеологии и практике социализма и коммунизма: «Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными жертвами, в первые же десятилетия свои обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением неслыханной жестокостью, отчаянными просчетами в практической, хозяйственной жизни, хроническими недостатками предметов первой необходимости – пищи, одежды, жилья, огрублением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства и т. д. и т. п. И даже когда ему самому, этому строю, пришлось перед всем миром – сочувствовавшим и злорадствующим – признаться в том, что не все уж так хорошо, назвав все это «культом личности», то, во-первых, он хотел это представить как некий досадный эпизод на фоне общего и “крутого подъема”, а во-вторых, это признание и “меры” были того же, что и при культе, порядка»{1715}.

Но это были его попутные соображения. Главное же, что его занимало тогда – работа над завершением «Теркина на том свете» и ожидание известий от Лебедева о судьбе «Одного дня Ивана Денисовича». И в его рабочей тетради наряду с новыми вариантами стихов появляется и такая запись (Коктебель, 21 августа): «Искусство могущественнее всякой политики. Ему дано угадывать ту правду жизни, которая гораздо менее уловима для политики, берущей все по необходимости и в слишком общих чертах, и в слишком частных, по подсказке текущего дня»{1716}.

А от Лебедева между тем никаких известий не было. Твардовский не думал, что глава партии и правительства сам станет читать повесть Солженицына. Более того, он полагал, что тот, не читая, доверится его сопроводительному письму и докладу своего помощника. Но вышло куда круче. В сентябре, находясь с Хрущевым на отдыхе в Пицунде, Лебедев, выбрав время, как-то стал читать ему рукопись. Первую половину тот слушал в часы отдыха, а потом, видимо, не на шутку взволнованный, уже с утра отодвинул все бумаги и велел:

– Давай, читай все до конца.

Явившихся Микояна и Ворошилова попросил послушать тоже отдельные места. И спросил:

– А в чем собственно дело? Это хорошо.

На что Лебедев ему разъяснил, почему необходимо получить от него самого санкцию на печатание:

– Ведь и «Дали» Твардовского, если б не ваше, Никита Сергеевич, вмешательство, не увидели бы света в окончательном виде.

– Не может этого быть, – говорит тот.

– Как же, Никита Сергеевич, не может, когда вы сами тогда звонили Сулову по этому случаю.

– А, помню, помню...

Не обошлось и без сомнений:

– А не хлынет ли такой материал вслед за этим?

Лебедев ответил доводом, которым снабдил его Твардовский:

– Уровень этой вещи как раз будет заслоном против наводнения печати подобного рода материалами, подобного, но не равноценного{1717}.

15 сентября 1962 г. В.С. Лебедев звонит в Москву Твардовскому:

– В ближайшие дни вы должны быть на месте. Никита Сергеевич пригласит вас завтра или в какой-нибудь другой день. Он вам все расскажет... Он под свежим

впечатлением...{1718}

Но сдавать рукопись в набор пока не рекомендовал:

– Ведь вы еще ничего не знаете, в сущности{1719}.

Твардовский кинулся обнимать и целовать жену. Даже заплакал от радости. И он уже держал в уме слова телеграммы, которую пошлет Солженицыну после встречи: «Поздравляю победой выезжайте Москву»{1720}.

И уже в тот же день, в ответ на вопрос заглянувшей в редакцию М. Алигер о цикле стихов Цветаевой, сказал ей, в чем дело и заявил:

– Все это мне уже сверх меры терпения! Буду проситься к Никите Сергеевичу, буду ставить вопрос об отмене цензуры..., о деревенских и прочих делах вообще.

– Ох, может быть, вам не о Цветаевой говорить с ним, а об этом?

– Но говорить о Цветаевой, об отмене «пережиточных форм наблюдения» – это значит говорить обо всем главном. Ведь речь идет о гласности или безгласности, о литературе и журналистике, которые либо будут нести огромную благотворную службу, либо нет. Боюсь предвосхищений, но верится, что опубликование Солженицына явится стойким поворотным пунктом в жизни литературы, многое уже будет тотчас невозможно, и многое доброе – сразу возможным и естественным{1721}.

20 сентября позвонил заведующий отделом культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарпов:

– Изготовить 20 экземпляров этого твоего «Ивана», как его, «Парфеныча?» – Денисыча.

– Ну, Денисыча. Не более и не менее{1722}.

Для Твардовского это могло означать только одно: вопрос откладывается и его решение переносится на обсуждение членов и кандидатов в члены Президиума ЦК вместе с секретарями ЦК. И он позвонил Лебедеву:

– А не значит ли это, что дело худо?

– Нет, думаю, не значит. Это, так сказать, предметный урок того, что культ у нас быть не может{1723}.

– Значит, Владимир Семенович, вы не считаете, что...

– Нет, зачем же. Все должно быть хорошо, ведь мнение-то есть... Фиксируя этот разговор в рабочей тетради, Твардовский подчеркнул последние два слова и попытался их расшифровать: «Вижу, что он мне хочет что-то сказать. И не может. И только хочет, чтобы я понял. Понять можно было так, что это для проформы»{1724}.

22 сентября Твардовский отвез эти 20 экземпляров в ЦК, выслушав там соображения и прогнозы Поликарпова:

– Я ничего в подробностях не знаю. Но думаю, что если бы нужно было отсоветовать печатать эту вещь, то Никита Сергеевич сделал бы это без Президиума. Передал бы: пусть Твардовский потерпит. Но так как за этой вещью предполагаются косяки подобных... Ты совершенно правильно поступил, обратившись с письмом к Никите Сергеевичу за советом... Цветаеву, если ты будешь настаивать, тебе разрешат, но мой тебе добрый совет – не настаивай. Разрешить – разрешат, но осадок останется...

Твардовский ответил, что подумает, во всяком случае не будет «настаивать», не уведомив его{1725}.

Долгое, в течение месяца, «ожидание, ожидание, ожидание» закончилось тем, что Президиум ЦК КПСС принял решение опубликовать «Ивана Денисовича». Твардовский, побывав в понедельник 15 октября у Лебедева, узнал от него некоторые подробности. Вопрос об этом обсуждался в ряду с примерами «сопротивления аппарата решениям XXII съезда».

– Нельзя делать вид, что ничего не случилось, – говорил Хрущев в связи с некоторыми письмами (например, Е. Евтушенко) и случаями вроде «прохождения» через сито запретов «Синей тетради» только что скончавшегося Э. Казакевича.

Неожиданно возник вопрос и о «Теркине на том свете»:

– Мы тогда критиковали Твардовского, в том числе и я, а надо было печатать{1726}.

В субботу 20 октября состоялась, наконец-то, встреча Твардовского с Хрущевым. Говорил преимущественно хозяин кабинета. И, естественно, главным образом об «Иване Денисовиче».

– Я начал читать, признаюсь, с некоторым предубеждением и прочел не сразу. Поначалу как-то особенно не забирало. Правда, я вообще лишен возможности читать запоем. Да,

материал необычный, но, я скажу, и стиль, и язык необычный – не вдруг пошло. Вторую половину мы уже вместе с Микояном читали, что ж, считаю, вещь сильная. Очень. И она не вызывает, несмотря на такой материал, чувства тяжелого, хотя там много горечи. Я считаю, это вещь жизнеутверждающая. И написана, я считаю, с партийных позиций.

Сказал и о том, что не все его коллеги и не сразу так приняли повесть.

– Я дал ее почитать членам Президиума. Ну, как, говорю, на заседании. Ну, не сразу. Как же, если мы говорим на XXII съезде то, чему люди должны были поверить и поверили, как же мы им самим не будем давать говорить то же самое, хотя по-своему, другими слова-ми? Подумайте. На следующем Президиуме мнения сошлись на том, что вещь нужно публиковать. Правда, некоторые говорили, что напечатать можно, но желательно было бы смягчить обрисовку лагерной администрации, чтобы не очернять работников НКВД. Вы что же, – говорю, – думаете, что там не было этого? Было, и люди такие подбирались, и весь порядок к тому вел. Это – не дом отдыха.

К своей неизменной теме – злодеяния сталинской поры – Хрущев в ходе этой беседы обращался не раз. Рассказал о работе специальной комиссии:

– Уже есть вот таких три тома, где все документально и подробно изложено про этот период. Этого публиковать сейчас нельзя, но пусть все будет сохранено для тех, кто придет нам на смену. Пусть знают, как все было. Мы вообще не судьи сами себе, особенно люди, стоящие у власти. Только после нас люди будут судить о нас: какое наследие мы получили, как себя вели, как преодолевали последствия того периода.

Сообщил, что ему многие пишут, что аппарат у нас сталинский, что все там сталинисты по инерции и что надо бы его перешерстить.

– Я говорю, да, в аппарате у нас сталинисты, и мы все сталинисты, и те, что пишут – сталинисты, может быть, в наибольшей степени. Потому что разгоном всех и вся вопрос тут не решается. Мы все оттуда и несем на себе груз прошлого. И дело в преодолении навыков работы, навыков самого мышления и уяснении себе сути, а не в том, чтобы разогнать.

Твардовский объяснил, почему он обратился с этой рукописью к нему:

– Говоря откровенно, мой редакторский опыт с непреложностью говорил мне, что если я не обращусь к вам, эту талантливую вещь зарежут.

– Зарежут, – с готовностью подтвердил Хрущев.

Тут Твардовский перешел к следующему вопросу – о цензуре, в соответствии со схемой, выработанной им в многократных дружеских изъяснениях в своем кругу:

– «Современник» Некрасова и правительства Николая I и Александра II были двумя разными, враждебными друг другу лагерями. Там цензура – дело естественное и само собой разумеющееся. А, например, «Новый мир» и советское правительство – это один лагерь. Я, редактор, назначен ЦК. Зачем же надо мной еще редактор-цензор, которого заведомо ЦК никогда не назначил бы редактором журнала – по его некомпетентности? А он вправе, этот редактор над редактором, изъять любую статью, потребовать таких-то купюр и т. п. И вот что главное. Хотя функции этих органов ограничены обеспечением соблюдения государственной и военной тайны, они решительно вмешиваются в область собственно литературную («почему такой грустный пейзаж?» и т. п.) и часто берут на себя осуществление литературной политики партии. Опираясь, например, на постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» («Зощенко»), кое, в сущности, уже изжито, снято самим ЦК, который давно уже не только разрешил издавать Зощенко и Ахматову, но всем духом и стилем руководства литературой отошел от этого постановления, от диктата.

– Я с вами совершенно согласен, – заявил Хрущев. – Вот мне прислал письмо и свои запрещенные к печати стихи этот, как его? – Евтушенко. Я прочел: ничего там нет против советской власти или против партии. Ну что такого, что он говорит об Энвере Ходже... Энвер Ходжа пересажал всех вокруг себя. Ему трудно понять, что сталинские времена миновали.

И в который раз стал вспоминать о прошлом {1727}.

15 ноября 1962 г. Солженицын уже держал в руках сигнальный экземпляр одиннадцатого номера журнала «Новый мир» со своей повестью. Говорил:

– Как я рад, что в вас не ошибся. Я знал, что и Хрущеву понравится. Знаете, он все-таки из них всех – один. Человек. Так я и знал, что это должно понравиться вам и ему. На две эти точки

опирался – на вас и на него.

– Ну, я и он – это «точки» на слишком разной высоте.

– Для меня на одинаковой, примерно. И я знал, что без вас это до него не дойдет{1728}.

Когда после вечернего заседания пленума ЦК КПСС 19 ноября 1962 г. Твардовский вышел из зала, он обратил внимание на то, что у всех в руках вместе с только что розданным докладом Хрущева в красной обложке еще и № 11 журнала «Новый мир» в синей обложке. Спустился вниз, где шла торговля всякими культурными товарами, и увидел несколько очередей к стопкам с этим номером. «И это не покупка, когда высматривают, выбирают, а когда давай, давай – останется ли». Оказывается, в Кремль подвезли около 2000 экземпляров. Звонки, паломничество не давали весь день работать редакции. В киосках «Союзпечати» составляются списки на № 11, который ждут завтра{1729}. Так началась слава Солженицына.

Повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» довелось тогда прочитать 24% опрошенных в 1998 г. и 30% опрошенных в 1999 г.

«Журнал достали до утра», – вспоминал А.М. Зенин, инженер из Лыткарина{1730}. Читал на перепечатанных листках С.Ф. Хромов из предприятия п/я 17 во Фрязино{1731}, «в рукописи» – И.И. Парамонов, слесарь одного из депо Московского железнодорожного узла{1732}. «Прочитала вся молодежь того времени», – уверяет Л.И. Волкова, техник закрытого НИИ связи{1733}. Читала даже детям в школе учительница А.В. Сорокина из поселка Онуфриево в Истринском районе. В библиотеке Метростроя прочитал повесть М.М. Гурешов. Вместе с выдержками из повести Шолохова «Судьба человека» на ту же тему в «Правде» и «Труде» читал сотрудник Внуковской таможни Ю.Н. Шубников{1734}.

Произвела она сильное впечатление, ее стали расхваливать соответственно 14 и 16,5% опрошенных, то есть больше половины прочитавших ее.

Офицера М.Д. Филиппова из Ельца поразила смелость и реалистичность произведения{1735}. Необычайно правдивой нашла повесть и его жена учительница В.В. Филиппова: «Как будто открыли окно и повеяли какие-то новые веяния»{1736}. Очень понравилась повесть инженеру Нарофоминского шелкового комбината В.С. Даниловичу: «Там все правда!» – говорил он. Не спала потом всю ночь учительница из подмосковного Косино Г.К. Пятикрестовская: художественной ценности она не видела, но от узанных фактов «становилось больно и страшно». Не мог поверить, что «это могло происходить в нашей стране», П.С. Окладников, водитель из города Железнодорожный. Причем, как он утверждал, «все были такого же мнения»{1737}. Н.И. Ключкин, рабочий завода «Серп и молот» в Москве, живший в деревне Слобода Ленинского района, до тех пор не верил, что такое могло быть{1738}. А.М. Семенов, секретарь Коробовского райкома партии (в Белоруссии) по сельскому хозяйству, соглашался, что «руководство страны поступало несправедливо, бездушно к человеку, даже если он осужден», что «это калечит душу»{1739}. «Что такое ГУЛАГ, мы тогда не знали, и было дико осознавать, как генералы оказались на нарах», – вспоминал Н.Л. Хаустов, курсант Ленинградского военно-морского инженерного училища им. Дзержинского{1740}. Потрясла повесть своей правдивостью Г.Д. Воронову, паспортистку Серпуховского районного ЖКО, хотя та о многом догадывалась сама{1741}. Была шокирована «всей правдивостью» А.А. Кузовлева, работница Серпуховской ситценабивной фабрики, член КПСС{1742}. Тяжелое впечатление от чтения, несмотря на подготовленность докладом Хрущева, было у Л.И. Брикман из Всесоюзного института дезинфекции и стерилизации{1743}. Тяжелое бремя легло на душу А.М. Зенина, инженера из Лыткарина{1744}. Думал, что «это поможет руководителям», И.Ф. Пыков, офицер-техник из военного гарнизона Кубинка-1{1745}.

«В повести вскрыта политика Сталина», – так объяснял А.И. Митяев, инженер ОРГ «Алмаз» в Москве{1746}. «Солженицыну мы поверили, – признавалась В.И. Гончарова, инженер из Химок. – Стали открываться глаза на то, что творилось в стране, да и существующая ситуация вызывала тревогу»{1747}. Ужаснулся прочитанному В. И» Маркин, техник НИИ-160 во Фрязино{1748}.

Студент Днепропетровского горного института В.Р. Червяченко, отметив, что этой повестью «буквально зачитывались», но для него самого ее содержание не стало таким уж откровением, ибо, путешествуя в 50-е годы в геологических партиях по Казахстану, ему

приходилось встречаться с ссыльнопоселенцами – казаками, вывезенными из Маньчжурии. Среди них были и бывшие уссурийские контрабандисты, и сын казанского генерал-губернатора (как он утверждал) Анатолий Леонтьев, и начальник русского отдела контрразведки Квантунской армии одноглазый Георгий Бенкин. Их рассказы о лагерях, где им приходилось до того сидеть, были гораздо интереснее. «От них я узнал, как уголовники обливали Эдди Рознера из параша»{1749}.

«Прорыв запретных тем в литературу» воспринимался А.В. Потаповой, учительницей физкультуры в Люблино как «откровение», хотя и со страхом{1750}. В.И. Пастушков, офицеру одной из частей береговой артиллерии Балтийского флота, понравилось содержание повести, а еще более приятным оказалось то, что цензура «оказалась не такой жестокой, как раньше»{1751}. «Удивлялись, как напечатали», – вспоминала В.С. Маркевич, заведующая инфекционным отделением в одной из больниц Свердловска{1752}. Откровением для студентки Ярославского пединститута Р.Г. Мелеховой стала не только повесть, но и то, что ее обсуждали на литературном факультете, «впервые об этом времени открыто говорили»{1753}.

Не понравилась повесть Солженицына 5% опрошенных.

Четыре раза принимался читать, но так и не осилил летчик В.В. Денисенков из Сасово в Рязанской области: «Это не художественное произведение»{1754}. «Ничего высокохудожественного» не нашел в повести инженер из Фрязино В.В. Карпецкий, а описанные в ней события способствовали тому, что «определенные силы» стали их усиленно смаковать{1755}. Воспринял с недоверием, «хотя написано сильно», И.И. Парамонов, слесарь одного из депо Московского железнодорожного узла{1756}. Перепевом темы, поднятой и гораздо лучше освященной в «Оттепели» Эренбурга, нашла «Один день Ивана Денисовича» Л.В. Борзова, инженер Красноярского машиностроительного завода{1757}.

«Зачем писать такое?» – спрашивали чекист Л.Ф. Колчин и его супруга-переводчица, служившие в ГДР{1758}. «Изложенные в ней факты не новы, а художественные достоинства низкие», – находил Г.М. Козлов, офицер военного гарнизона Кубинка-1{1759}. Тяжелое впечатление осталось у М.Н. Лепинко, радиотехника из Военно-морской академии им. Крылова в Ленинграде, она не поверила написанному: «Солженицын клеветает»{1760}. Как «пасквиль на советскую действительность» воспринял повесть новосибирский строитель А.А. Чуркин{1761}.

Не читали 60,5% опрошенных в 1998 г. и 67% опрошенных в 1999 г.

Отметили, что «не довелось прочесть», 6% опрошенных. «Не было возможности прочесть» у жительницы Кричева Л.М. Мироновой{1762}.

Не читала, хотя очень хотелось, С.И. Алексеева, воспитательница одного из столичных детских садов, проживавшая в Немчиновке: «Времени тогда не было, работа, дочь на руках»{1763}. «Негде было достать, читали только единицы», – вспоминал Г.В. Дырковский, рабочий стекольного завода в Клину{1764}. Не смогла достать М.Г. Никольская из поселка Икша в Дмитровском районе{1765}.

Такой литературой не интересовался шофер Н.И. Семенов из поселка Новостройка в Загорском районе{1766}. «Я больше детективы люблю», – говорила П.С. Филимонова, продавщица с Преображенского рынка в Москве{1767}. «В моем кругу никто кроме “Правды” ничего не читал», – признавался рабочий совхоза «Хмельницкий» Н.А. Бондарук{1768}.

«Не до чтения книжек» было тогда М.Н. Каменской, работнице Московского электролампового завода{1769}. Не было времени у А.С. Хорошевой, учительницы начальных классов в Дмитрове{1770}.

Сразу прочесть не удалось офицеру ПВО Э.В. Живило: «Это очень не одобрялось руководством»{1771}. «Тогда было опасно такие вещи читать», – говорит сейчас Н.Е. Мохаев, электротехник опытного завода ВЭИ{1772}.

Не читали, но слышали, знакомились с откликами в печати 14% опрошенных, в том числе с положительными – 6%, с отрицательными – 4%.

То, что слышала от своих товарищей Д.В. Шевцова из Лобни, работавшая в Москве токарем на одном из закрытых военных предприятий, полностью поменяло ее отношение ко времени правления Сталина{1773}. Из того, что слышал о публикации фрезеровщик завода «Электросталь» В.С. Агошенев, у него появилось ощущение большей свободы слова{1774}. Довольно противоречивые отклики приходилось слышать технику трамвайного депо им.

Баумана А.И. Харитонову. Сотруднице ЦАГИ в Жуковском С.И. Аржонкиной «рассказывали всякие ужасы». Работник узла связи в Долинске на Сахалине В.А. Куприн из того, что говорилось вокруг, понял, что повесть эта «шла вразрез с властью». «Многое в этой книге – ложь!» – такие отзывы слышала от своих соседей повар кафе-ресторана «Столешники» Е.В. Глазунова. Поверил, что Солженицын антисоветчик, В.Е. Голованов из областного Калининграда. Услышанным по радио обвинениям в адрес автора поверила Е.В. Федулеева, медсестра в детских яслях при заводе «Красный пролетарий»{1775}. Слышала, как «партработники ругали, лекции читая», А.П. Безменова, рабочая Красногорского оптико-механического завода{1776}.

Отметили, что «читали много позже», соответственно 3 и 4% опрошенных.

Не только не читали, но и ничего не слышали о повести «Один день Ивана Денисовича» соответственно 20 и 17% опрошенных. «В наших кругах книга прошла незамеченной», – вспоминал Н.Е. Чепрасов, военнослужащий из Карагандинской области{1777}. Ничего не знала о таком авторе и его повести колхозница А.А. Комарова из деревни Захарове в Малоярославецком районе{1778}.

Итак, с повестью познакомился каждый четвертый человек. В основном это городские жители, главным образом интеллигенты. И каждый второй из прочитавших был о ней самого высокого мнения. Солженицын не только укрепил у них антипатию к Сталину, но и заставил шире открыть глаза на саму систему, сделавшую массовые репрессии самым обыденным делом.